

Сергей Довлатов - Игорь Ефимов.
«Эпистолярный роман».
Издательство «ЗАХАРОВ»,
15 тыс. экз.

Жили-были два писателя. Один - с репутацией человека серьезного и вдумчивого. Другой - обаятельный скандалист, периодически уходящий в запой и неоднократно менявший жен. Оба эмигрировали в Штаты. «Непутевый» - он был помладше, на четыре года - жил в Нью-Йорке, «серьезный» - уехавший раньше - в Анн-Арборе (Мичиган). Активно переписывались они лет десять.

Эта переписка и опубликована недавно безумным для подобных книг тиражом - 15 тысяч экземпляров. Размах понятен, поскольку одно из двух действующих лиц данного эпистолярного романа - Сергей Довлатов, а это имя является в России гарантией того, что книгу раскупят. Второго персонажа зовут Игорь Ефимов.

Они любили друг друга так долго и нежно...

Довлатов и Ефимов дружили около 20 лет. Отношения были неравными: Ефимов слегка покровительствовал Довлатову, в пору, когда Довлатова арестовали в Ленинграде, писал статью в его защиту для западной прессы. Потом неравенство усугубилось еще и тем, что Ефимов работал редактором в легендарном издательстве Карла Проффера «Ардис», после основал собственное издательство «Эрмитаж», а в связке «издатель - писатель» последний поначалу всегда зависим. Такое положение вещей заметно по первым годам переписки: Довлатов пишет чаще, Ефимов отвечает сухо и чуть свысока.

Письма Довлатова по большей части деловые - пришлите экземпляры, сделайте обложку такого-то цвета, исправьте опечатки. Однако почти в каждом - нелицеприятные отзывы об общих знакомых и выражения любви и признательности в адрес Игоря Ефимова.

Изданка встречаются симпатичные «байки» - кто-то на радио «Свобода» удерживал разгорячившегося Довлатова от намерения разбить кому-то морду и приговаривал: «Здесь нельзя. Нас и так презирают чехи и румыны. За то, что мы пьем и скандалим...»

Но в целом же чувство недоумения не оставляет читателя: к чему нам сегодня читать, что и кому сказала некто Людмила Штерн или Седых с Вайнбергом? Зачем вытаскивать на свет

божий, что кого-то Довлатов обзывал «крупным негодяем», а кого-то - «ничтожеством и мразью, прикрывающимся убедительной маской шизофрении»? Мелко это как-то, да и неинтересно за давностью лет. Тем паче, что есть в довлатовском письме и такое предостережение: «Читали ли Вы книгу какого-то шведа «Переписка Маяковского и Л. Брик»? Это нечто уникальное по пошлости! (...) кошмарная переписка двух безграмотных ничтожных существ. Абсолютно невозможно поверить, что Маяковский написал хотя бы «Левый марш»...

У читающего эти слова возникает некоторая параллель: скажем, в тех случаях, когда Довлатов вставляет в письма английские фразы («Синсирели энд вери трали йорс»), поневоле вспоминаешь эти слова про безграмотность.

В общем, скучно, господа. Зачем вообще им было переписываться, если они всегда могли созвониться (что и делали время от времени)? Забавная фраза из письма Ефимова: «Сергея, я люблю Ваши

стал бунтовать против старой модели общения, в которой он был лишь милым симпатичным Сережей, прислушивающимся к советам старшего товарища. Вскоре Довлатов начинает отказываться от встреч, ссылаясь на депрессию.

«Я также убедился, что у меня нет настоящего таланта, и это меня довольно сильно обескуражило. Пока меня не печатали... я вынашивал некоторые честолюбивые замыслы. Сейчас все лучшее, что я написал, опубликовано, но сенсации не произошло и не произойдет»...

И тут Ефимов вдруг сообщает, что Довлатов что-то не так про него сказал. Взрыв, обмен финальными письмами.

Ефимов обвиняет Довлатова в клевете, называет его в своем послании одной буквой Д. и сообщает, что «Д. раздражают

КАК ПОССОРИЛИСЬ писатель Довлатов с издателем Ефимовым

В России впервые опубликована скандальная переписка двух литературных диссидентов

письма и храню их для потомства». Потом он советует быть осторожнее в выражениях! То есть расчет на нас, потомство, шел изначально. Но письма все равно неинтересны.

Только в 89-м ситуация меняется - писатели ссорятся.

Если друг оказался вдруг

Довлатов приобрел популярность, его печатали в «Ньюйоркере», о нем хорошо отзывался Воннегут. К Ефимову большой успех так и не пришел. И Довлатов постепенно

в первую очередь люди, которые в ладах с собой, с жизнью, друг с другом. (...) Возможно, что своим родным и возлюбленным он намеренно устраивает ад, чтобы довести их до дорогого ему состояния тоски, неуверенности, озлобления». Напоследок дает совет: написать роман о раздражении, поскольку именно это чувство является для Довлатова главным по жизни.

«Придется расстаться с образом «симпатичного и непутевого малого». Поверьте, никто не видит Вас таким. Все равно спрячьтесь за этим муляжом так же невозможно, как успеть прикрывать ладошкой испорченный зуб - Ваш трогательный жест, - когда на Вас внезапно нападает приступ смеха».

Довлатов пишет короткий растерянный ответ: «Зря Вы, Игорь, написали это письмо так грубо и так презрительно», а потом присылает Ефимову длинное объясняющее письмо, но в письме этом - горьком, самообличающем и чуть ли не единственном во всей этой толстой книге, вызывающем живую читательскую реакцию, есть просьба: «не давать это письмо посторонним людям. (...) Для того, чтобы писать открыто, нужно ощущение, что никто посторонний этого не прочтет».

В книжке эта фраза сопровождается звездочкой, отсылающей к примечанию Ефимова: «Эта просьба была выполнена». Лицемерно, не правда ли?

А напоследок он сказал

На вечере памяти Довлатова в 90-м Игорь Ефимов произносил прочувствованные слова. Там тоже зачитывались письма, но не то, последнее.

Последнее сперва разошлось в рукописях, хотя вдова Довлатова, Елена, против распространения писем своего мужа протестовала и предупредила Игоря Ефимова о «привлечении к судебной ответственности». Ефимов нашел выход:

«Я не посмею ослушаться и «распространять» книгу не буду. Поэтому российскому издателю, который решит издать мою с Сергеем переписку, придется самому приложить усилия и найти в России один из экземпляров рукописи этой книги, отправленных в свое время для ознакомления в различные редакции».

Рукопись была найдена, вышла в свет, открыв нам кучу биографического хлама, бережливо сохраненного для будущих поколений. И - заставляющего читателя смутиться от собственного соучастия в этом неприличном поступке. Ведь просил Довлатов последнее, покаянное письмо никому не показывать...

А было ли лукавство в той просьбе и надеялся ли он на то, что его бывший друг все равно поддастся соблазну - какая разница?

Валентина ЛЬВОВА.

БАЙКА ОТ ДОВЛАТОВА

«Отец прислал мне из Рима три блока сигарет «Интер». Болгарских. От безысходности я их начал курить. Меня дважды приняли за наркомана. А из одного банка любезно вывели: «Здесь травку не курят». И еще. Одна моя знакомая (с толстыми ногами) сказала: «Ты был, и меня не застал». Я спросил: «Откуда ты знаешь?» А она говорит: «В лифте пахло твоими русскими сигаретами». Вот что мы покинули!!!»

ЦИТАТА НАУГАД

«Очень способствует делу то, что ко мне, как выяснилось, все хорошо относится. (Не смеется.) Видно, есть в моих писаниях какая-то усредненная привлекательность». (1979 г.)

отзывался Воннегут. К Ефимову большой успех так и не пришел. И Довлатов постепенно

сЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым

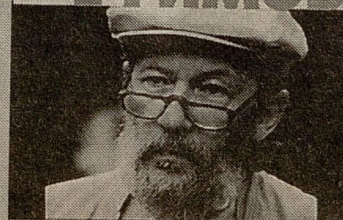
ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Сергей ДОВЛАТОВ родился 3 сентября 1941 года в Уфе в семье театрального режиссера Доната Мечика и литкорректора Норы Довлатовой. В 1959 году поступил на филфак Ленинградского университета, где учился два с половиной года. С 1962 по 1965 год служил в армии в системе охраны исправительно-трудовых лагерей (Комм АССР). Потом поступил на факультет журналистики, начал писать рассказы. Входил в группу писателей «Горожане» (там был и Игорь Ефимов).

Набор первой книги Довлатова уничтожен по распоряжению КГБ. Далее был самиздат и публикации на Западе, за что Довлатова исключили из Союза журналистов СССР. В 1978 году эмигрировал. За границей издал 12 книг, среди них - «Компромисс» (1981), «Зона» (1982), «Заповедник» (1983). Печатался в журнале «New-Yorker», работал на радио «Свобода». Умер 24 августа 1990 года в Нью-Йорке от сердечной недостаточности.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ИГОРЬ ЕФИМОВ

Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым

Игорь Ефимов родился в 1937 году. Отец, офицер, был расстрелян в конце тридцатых. Окончил Политехнический институт по специальности инженер-турбинщик. В конце шестидесятых написал роман «Зрелища», так и не напечатанный. Выпустил (в 70-е) книгу «Лабрантка» и исторический роман об английской революции «Свергнуть всякое иго». После эмиграции Ефимова его книги были изъяты из библиотек. Автор книги «Метаполитика», вышедшей в 78-м на Западе под псевдонимом Андрей Москвит. В этом же году Ефимов уезжает из СССР.

После отъезда Ефимова на Западе вышли его книги «Практическая метафизика», «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев», «Седьмая жена». Основал издательство «Эрмитаж», выпускавшее произведения Довлатова, Бродского, Льва Лосева, а также «Дневники и письма» Троцкого, «Цветаву в жизни» Вероники Лосской, «Встречи с Пастернаком» Нины Муравиной. Автор статей о литературе, экономике, политике.